

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО «АНАБАСИСУ» КСЕНОФОНТА. ДРИЛЫ И МОССИНИКИ

Многие историки-кавказоведы пользовались в своих трудах «Анабасисом» Ксенофонта для характеристики племен, населявших восточную часть южного побережья Черного моря на грани V и IV вв. до н. э. Назову, например, «Историю грузинского народа» покойного академика И. А. Джавахишвили¹ и «Историю Грузии» Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа. Тем не менее, вернуться к этой теме необходимо, ибо «Анабасис» включает в себе, как мы полагаем, больше ценных сведений, способных пролить свет на интересующий нас вопрос, чем это могло бы показаться по названным работам. Недостаточное использование столь драгоценного и хорошо известного античного письменного источника, каким являются мемуары Ксенофонта, даже такими выдающимися историками, как только что названные авторы, объясняется, на наш взгляд, прежде всего особым характером этого литературного произведения, который требует от историка, стремящегося почерпнуть из него данные о местных жителях северо-востока Малой Азии, особого подхода, а именно детального ознакомления со всем текстом соответствующих глав, в том числе и с разделами, которые прямо не относятся к описанию местных племен, но в которых тем не менее встречаются попутные, очень ценные замечания на эту тему. Так как вопрос правильного использования текста Ксенофонта имеет принципиальное значение, то не лишним будет вкратце пояснить выдвинутое мной утверждение².

В своей работе «К Анабасису Ксенофонта» я сравнивала значение «Анабасиса» для изучения племен юго-восточного Причерноморья со значением IV книги Геродота для изучения Скифии. Это сопоставление, на мой взгляд, правильно, поскольку оба произведения являются основными письменными источниками для изучения причерноморских племен. И тем не менее характер обоих трудов совершенно различен. Геродот прямо ставил своей целью собрать и сообщить читателю возможно большее количество сведений о Скифии и скифах, для этого он специально приехал в Ольвию и собрал здесь материал всеми доступными для него способами, т. е. путем личных наблюдений, а главным образом путем расспросов местных греков. Его работу поэтому можно назвать трудом историко-этнографическим. Ксенофонт никогда не имел в мыслях составить труд, специально посвященный быту и правам местных племен юго-восточного Причерноморья. Его тема — описание похода греческого войска, и местные племена фигурируют в этом описании только постольку, поскольку эллины соприкасались с ними в течение нескольких месяцев, вступая с ними в мирное общение или ведя с ними войну. И надо признать, что Ксенофонт чрезвычайно последователен в проведении им общей линии своего рассказа. Отступления у него редки, и поэтому большая часть сообщаемых им сведений о местных племенах вылетела в рассказ о различных эпизодах похода в виде необходимых для их уразумения описаний или в виде кратких попутных замечаний. От этого правила Ксенофонт отступает только в тех редких случаях, когда он наталкивается на явления, поражающие его воображение как нечто необычное и из ряда вон выходящее.

По дороге в Трапезунт с юга грекам пришлось преодолеть сопротивление колхов, встретивших их на границе своей области с целью преградить им путь в свою страну. Ксенофонт описывает это военное столкновение, окончившееся победой греков и вступ-

¹ С этой работой, написанной на грузинском языке, я имела возможность познакомиться благодаря любезности А. И. Болтуновой, которая перевела на русский язык интересовавшие меня главы.

² В заметке «К Анабасису Ксенофонта» (ВДИ, 1947, № 3) мне уже пришлось высказываться о достоверности «Анабасиса» Ксенофонта как исторического источника, и я не буду здесь возвращаться к этому вопросу.

лением их в область колхов, где они расположились на отдых «в многочисленных деревнях, полных продовольствием» (IV, 8, 20). «Вообще говоря, — продолжает Ксенофонт, — здесь не было ничего способного возбудить интерес эллинов, кроме большого количества ульев». Далее следует описание одуряющего меда и его действия на вкусивших мед эллинов. Необычайные свойства этого меда, совершенно незнакомые грекам, и вызвали небольшое отступление в рассказе Ксенофонта, а общий уклад жизни колхов не заключал в себе, по мнению автора «Анабасиса», «ничего способного возбудить интерес эллинов», и поэтому, хотя последние пробыли в области колхов больше месяца, Ксенофонт не дал описания их быта и нравов, и сообщаемые им о них сведения заключаются в попутно оброненных в общем ходе повествования замечаниях. Только путем внимательного изучения отдельных эпизодов в жизни эллинского войска во время пребывания его в стране колхов и воссоздания окружавшей их общей обстановки историк может получить представление и о некоторых сторонах жизни этого племени. То же самое относится и к большинству других племен юго-восточного Причерноморья, с той разницей, что иногда эпизоды похода, в которых греки сталкивались с теми или иными племенами, описаны особенно ярко и подробно, благодаря чему и черты, характеризующие эти племена, выступают особенно рельефно. Это справедливо, например, по отношению к таохам и дрилам. Из всех племен, с которыми познакомился Ксенофонт, его особое внимание привлекли к себе своеобразием своих обычаев в сущности только армяны и моссиники, и, говоря о них, он в виде исключения прерывает нить своего рассказа и вдается в этнографию.

Но если приходится высказать сожаление о скудости сообщаемых Ксенофонтом сведений о большинстве племен юго-восточного Причерноморья, то, с другой стороны, необходимо отметить как особо ценное свойство его изложения, — свойство, отчасти проистекающее из его метода работы, — свежесть и непосредственность его наблюдений. Его рассказы основаны на собственных впечатлениях и переживаниях. Только в редких и всегда особо оговоренных случаях он дополняет их сведениями, полученными от других, хорошо осведомленных лиц, как было, например, во время пребывания эллинов у моссиников.

После битвы при Кунаксе греческие наемники Кира направились на север, надеясь таким путем добраться до родины. Это происходило зимой 401 г. до н. э. Идя вдоль Тигра, греки подошли к области кардухов (нынешний Западный Курдистан), вступили в нее, и с этого момента началось их знакомство с племенами, населявшими северо-восточную часть Анатолии. Пробиваясь силой или вступая с жителями в дружеские соглашения, греки проходят через область кардухов, Малую Армению, через области фазиан, таохов, горных халибов, скифинов, макронов и колхов и ранней весной 400 г. прибывают, наконец, в Трапезунт — «колонию Синопы в стране колхов». Под Трапезунтом греки провели около месяца. Отсюда они предприняли набег на область горного племени дрилов, подробно описанный Ксенофонтом, а затем направились на запад и, пройдя через области моссиников, халибов и тибаренов, дошли берегом до греческого города Котиор. В Котиорах греки сели на корабли и больше уже не сталкивались с местными племенами восточной половины южного Причерноморья.

Настоящее исследование посвящено главным образом дрилам и моссиникам, как наиболее подробно описанным в «Анабасисе».

Дрилы упоминаются немногими античными авторами, в том числе Аррианом (РРЕ, 11), который, подобно Ксенофону, лично бывал в окрестностях Трапезунта. В его время племена, именовавшегося дрилами, в тех местах уже не было. Арриан, прекрасно знавший «Анабасис» Ксенофонта и в своих трудах постоянно на него ссылавшийся, описывая окрестности Трапезунта, вспоминает рассказ Ксенофонта о набеге на дрилов и предположительно отождествляет дрилов с племенем саннов, обитавшим в его время в горах у Трапезунта и так же, как и дрилы, отличавшимся воинственностью и нежеланием вступать в сношения с греческими колониями. Относительно области, принадлежавшей ксенофонтским дрилам, существует предположение, высказанное Томашеком (RE, s. v.), будто это — местность, расположенная вокруг перевала Зигана. К сожалению, никаких решительно данных для этого утверждения у нас не имеется. Между

тем, если бы это предположение подтвердилось, то оно имело бы немаловажное значение для оценки общей обстановки, в которой находился город Трапезунт на рубеже V и IV вв. до н. э., так как перевал Зигана — единственный в тех местах более или менее удобный перевал через Северо-Анатолийские горы и через него идет сейчас, и несомненно шел в древности, торговый путь из Трапезунта на Байбурт и Эрзерум и далее в Армению. Если этот перевал занят был племенем дриллов, резко враждебным по отношению к Трапезунту, то тем самым должен был быть парализован товарообмен между Трапезунтом и внутренними областями северо-восточной Анатолии. Как бы то ни было, все, что мы можем почерпнуть из «Анабасиса» о месте пребывания дриллов, сводится к тому, что они жили в высокогорной, трудно доступной местности, а их главное поселение находилось на расстоянии примерно 6—8 часов ходьбы от Трапезунта¹.

Набег греков на страну дриллов вызван был необходимостью достать продовольствие. Пока греки ждали прибытия кораблей, на которых они надеялись доехать домой, они жили недалеко от Трапезунта в деревнях немирных колхов, предварительно прогнав жителей в горы. У греков не было денег для покупки продовольствия на открытом для них трапезунтцами базаре; те дары гостеприимства, которые они по прибытии получили как от Трапезунта, так и от мирных колхов, давно были съедены, и они жили только грабежом окрестных немирных колхов с суши и с моря. Вскоре и эти возможности были исчерпаны, и пришлось предпринять экспедицию за продовольствием в более отдаленную область. В качестве вожаков приглашены были трапезунтцы, и те, как говорит Ксенофонт, «не повели эллинов туда, откуда легко было достать продовольствие, так как эти люди были их друзьями. Но они с готовностью повели их на дриллов, которые причиняли им много неприятностей, в страну гористую и мало доступную, против самого воинственного из припонтийских племен» (V, 2, 2). Другими словами, трапезунтцы, которые уже раньше добились того, что пришлое греческое войско заключило союзы дружбы с мирными племенами колхов, постарались и теперь оградить своих друзей от нападения и одновременно воспользовались случаем для нанесения тяжелого поражения своим врагам дриллам, с которыми они сами, видимо, не могли справиться.

В экспедицию отправилась половина греческого войска, т. е. четыре тысячи с лишним воинов², и, кроме того, большое количество носильщиков, которые должны были нести награбленное продовольствие. Взойдя на горы по крутому, тесному и опасному подъему, греки оказались в стране дриллов. Они прошли мимо нескольких укрепленных поселений (χωρία), которые были оставлены дриллами как недостаточно сильные для успешной обороны, и преданы огню. «Здесь,— говорит Ксенофонт,— нечего было взять, кроме разве свиньи или коровы или другой какой скотины, уцелевшей от огня». Следуя, таким образом, тактике опустошения собственной страны, дриллы стремились сосредоточить оборону в одном пункте — в своем главном укрепленном поселении (χωρίον κεντροπόλις). Сюда собрались обитатели сожженных поселений, сюда же были согнаны их стада — главное их богатство, и здесь грекам было оказано решительное сопротивление, увенчавшееся успехом. Грекам, правда, удалось поживиться богатой добычей и уничтожить часть поселения, но полной победы они одержать не сумели и рады были вернуться в свой лагерь без больших потерь.

В рассказе об этих событиях для нас особенно интересно описание укрепленного поселения. Находилось оно на месте, которое от природы было почти неприступным. Невидимому, то был горный отрог, окруженный глубоким ущельем. Чтобы подойти к городу, надо было предварительно спуститься в ущелье и затем подняться вверх, причем спуск и подъем происходили по тропинке такой узкой, что по ней можно было

¹ Это расстояние можно вычислить следующим образом. Набег греков происходил ранней весной, вероятно, в начале марта. Греки выступили из лагеря рано утром, а, придя к главному поселению дриллов, пошли на приступ не сразу. Сумерки наступили, когда бой еще не был окончен.

² По произведенному вскоре после набега подсчету, в греческом войске оказалось 8600 бойцов, см. Анаб., V, 3,3.

итти лишь в одиночку. Поселение не примыкало непосредственно к ущелью, но стояло несколько отступя от него. Перейдя через ущелье, греческое войско, готовясь к штурму, выстроилось перед городом, причем строй имел форму полумесяца. Поселение было окружено широким рвом с валом, а на валу сооружен был частокол с расставленными на небольшом расстоянии друг от друга деревянными башнями. Вход в поселение проходил через узкие ворота. Внутри ограды находились деревянные дома. Ксенофонт упоминает только одну улицу, которая вела от ворот к цитадели и по обеим сторонам которой стояли деревянные дома. Кроме того, в «Анабасисе» упоминается о том, что дома подходили к самому частоколу, и это, повидимому, указывает на более или менее сплошную застройку всей площади города. Однако там несомненно имелись и какие-то открытые участки, где расположился, между прочим, согнанный сюда из других поселений скот, который был виден грекам еще до вступления в пределы города. Очевидно, частокол не был очень высоким, однако вся оборонительная система оказалась достаточно надежной, и легковооруженные передовые отряды греков не сумели взять город с налета. Они были отбиты и попали в опасное положение. Только когда подоспели гоплиты и предпринят был штурм по всем правилам греческого военного искусства, нападающие ворвались в город. Дрилы тогда отступили в акрополь, который находился в конце главной улицы, очевидно, в конце города, противоположном воротам. Греки хотели последовать за ними туда, но стратеги, обзрев акрополь издали, пришли к выводу о его полной неприступности и отказались от мысли взять его штурмом. Пока греки грабили город, дрилы произвели вылазку из цитадели и чуть было не опрокинули захватчиков. В греческом войске началась паника, с трудом ликвидированная, и эллины очутились в большой опасности, тем более, что уже наступила ночь и на окрестных высотах появились «новые враги», т. е., надо думать, дрилы, обитавшие в незатронутых греками частях страны, явившиеся на помощь к своим соплеменникам. Греки спаслись только благодаря тому, что начавшиеся пожары надоумили их разобрать деревянные постройки и сложить из них большие костры, которые преградили путь напавшим на них из акрополя дрилам. Под защитой огня греки, забрав добычу, благополучно перешли ущелье, а на утро пустились в обратный путь, причем дрилы преследовали их по пятам чуть ли не до самого Трапезунта, и грекам приходилось прибегать к хитростям, чтобы избавиться от нападения в опасных местах, например, при спуске с гор в низину Трапезунта.

На основании изложенного рассказа о походе греков в область дрилов невозможно, конечно, дать развернутую характеристику хозяйственного и общественного строя этого племени, однако все же из него можно извлечь ценные в этом отношении указания. Основываясь на них и с помощью параллельного археологического материала из Закавказья, можно попытаться разрешить эту задачу хотя бы в самых общих чертах.

Дрилы жили в высокогорном районе восточной части Северо-Анатолийской горной цепи. Эти горы тянутся с запада на восток несколькими параллельными цепями вдоль берега Черного моря. Высота главного гребня достигает здесь почти 4000 м, боковых гребней — примерно 3000 м. От главного хребта спускается к северу плато, пересеченное поперечными сбросами и глубоко расчлененное. Бесчисленные горные потоки разрезают высокие горные пещи на множество участков, и отдельные горные долины совершенно обособлены¹. Согласно описанию путешественников², здесь много богатых пещи и в горных долинах имеются участки, пригодные для земледелия. Из рассказа Ксенофонта явствует, что главное богатство дрилов заключалось в стадах. Неоднократно упоминается рогатый скот, а также свиньи и бараны. Повидимому, скотоводство было основой их хозяйства, при этом скотоводство пастушеское, с угоном скота летом в горы на яйла и с возвращением на зиму в горные долины, где у них имелись укрепленные поселения, в которых они сосредоточивались в зимние месяцы. Как уже указывалось, греки совершили свой набег в начале марта, и потому они еще застали людей и скот в поселениях.

¹ С. Матвеев, Турция, М., 1946, стр. 14 сл., 115.

² V. C u i n e t, La Turquie d'Asie, I, 1892, стр. 3.

О развитии у них ремесел можно судить по описанному Ксенофонтом вооружению дрилов и их постройкам и укреплениям. Изобилие леса в этих участках Северо-Анатолийских гор давало населению возможность широко развить обработку дерева. Судя по «Анабасису» не только жилые дома, но и оборонительные сооружения дрилов — частые колы и деревянные башни — были из дерева. Знали дрилы и обработку металла, а также кожевное дело. Ксенофонт говорит, что они были вооружены копьями, а оборонительное оружие их состояло из щитов, поножей и пафлагонских шлемов; последние же, согласно свидетельству Геродота (VII, 72), сплетались из ремней.

Для выяснения уровня общественного развития, которого достигли дрилы к 400 г. до н. э., большое значение имеют описанные Ксенофонтом укрепленные поселения, тем более, что, как нам кажется, имеется возможность сравнить их с археологическими памятниками, а именно с циклопическими сооружениями Закавказья.

Но прежде чем перейти к этому сравнению, необходимо отметить большую определенность и точность терминологии Ксенофонта, касающиеся обозначения различных типов поселений, встречаемых им на своем пути, и последовательность, с которой он эти термины употребляет. Во-первых, он знает деревню *κῶμη* — поселение, не рассчитанное на оборону как по своему местоположению, так и по отсутствию в нем искусственных укреплений. Ксенофонт называет *κῶμαι*, например поселения жителей северной Месопотамии, а также кардухов, арменов и части колхов. От деревни отличается *χωρίον* — укрепленное поселение. Ксенофонт знает два или, вернее, три типа таких «хориа». Первый тип — это укрепленный пункт, не предназначавшийся для жилья. Такие «хориа» имелись, например, у таохов (Анаб., IV, 7, 2). «Таохи, — рассказывает Ксенофонт, — жили в неприступных «хориа», куда были снесены и все их запасы». Эллыны хитростью завладели одним из таких пунктов, причем оказалось, что оно не представляло собой города и даже не имело домов. По тексту Ксенофонта, при упоминании им «хориа» часто невозможно бывает установить, имеет ли он в виду убежище или укрепленное поселение, но в некоторых случаях совершенно ясно, что речь идет об укрепленном поселении, т. е. о втором типе «хориона». Таковыми, надо думать, были «хориа» дрилов, покидавшиеся ими при появлении греческого войска, так как в «Анабасисе» говорится о поджоге в них деревянных построек. Несомненно обитаемы были хориа моссиников, о которых подробнее будет сказано ниже. Третий тип хорионов у Ксенофонта, это *χωρίον ἡ πόλις* — главное укрепленное поселение с домами, уликами и питедью, построенное в трудно доступном по естественным условиям пункте и укрепленное мощными оборонительными сооружениями. Такие «столицы» имелись у дрилов и у моссиников.

Наконец, Ксенофонт употребляет еще термин *πόλις*, который он определенно отличает от хориона¹. Это город в нашем понимании этого термина. Описаний городов Ксенофонт не дает, ограничиваясь обычно только тремя эпитетами — *οἰκουμένη, μεγάλη* и *εὐδαίμων* — многолюдный, большой и богатый, — прилагаемыми к названию города в совокупности или в одиночку. В припонтийских областях, помимо греческих колоний, Ксенофонт относит к категории полисов только один город Гимниаду, находящийся в стране скифов (IV, 17, 19), надо полагать, где-нибудь недалеко от современного Байбурта. Следовательно, многочисленные «города» табалов, мосхов, диаухов и других племен восточной Анатолии, упоминаемые в победных надписях ассирийцев и урартийцев, должны быть расшифрованы не как города в нашем понимании этого слова, а как укрепленные поселения, *χωρία* по терминологии Ксенофонта².

Именно такими укрепленными поселениями считает И. И. Мещанинов города местного населения Армении, в частности у озера Севан, упоминаемые в победных

¹ На протяжении всего «Анабасиса» можно заметить только один случай смешения этих терминов (V, 4, 31). Ксенофонт здесь называет поселения моссиников полисами, перед этим неоднократно обозначая их словом *χωρίον*.

² В данном отношении мы расходимся с И. А. Джавахишвили, который в своей «Истории Грузии» принимает города припонтийских племен, упоминаемые в надписях Ассирии и Урарту, за города в нашем смысле слова.

надписях царей Урарту и отождествляемые с циклопическими сооружениями Закавказья¹. Как я постараюсь сейчас показать, между «хорионами» дрилов и моссиников, с одной стороны, и циклопическими сооружениями Закавказья, — с другой существует большое сходство в смысле их планировки и назначения, хотя строительным материалом в одном случае служит камень, а в другом — дерево. Как мы видели, укрепленные поселения дрилов были двоякого рода — менее укрепленные, каковых было много, и одно сильно укрепленное поселение, так сказать, «столица», которое Ксенофонт называет метрополией и которое служило для всего племени центром сопротивления врагу. Совершенно такую же картину можно наблюдать и у моссиников, живших далее на запад, между Керасунтом и Котнорам (Anab., V, 4). В течение 8 дней шли греки по области моссиников, после того как они овладели расположенной у ее восточной границы «стелицей». Во время этого похода по местности изобилующей горами и ущельями, они постоянно проходили мимо укрепленных поселений, отстоявших друг от друга в среднем стадий на 80, т. е. примерно на 14 км. причем, как передает Ксенофонт, большая их часть была укреплена слабо, жители не пытались их защищать, но при приближении эллинов либо покидали поселения, либо сдавались без боя. Судя по повествованию Ксенофонта, сильно укрепленных поселений у моссиников было не одно, а несколько. Это можно вывести из его слов о том, что большая часть поселений была легко доступна, откуда следует, что меньшая их часть была трудно доступна. Неизвестно, сколько таких сильно укрепленных поселений было у дрилов, так как греки прошли только через часть их территории. Но как у моссиников, так, повидимому, и у дрилов из сильно укрепленных поселений выделяется одно, которое Ксенофонт называет главным — *χοριον μετροπολις* или просто *μετροπολις*. Судя по пояснению, даваемому Ксенофонтом относительно «метрополи» моссиников, почерпнутому им, повидимому, из слов некого гражданина Транезунта Тимесития, «столица» эта была не только наиболее надежным оплотом обороны для всего племени или даже для союза данных племен, но в то же время и своего рода центром всей области моссиников. Там находился акрополь, и племя, владевшее им, тем самым становилось господствующим над всеми моссиниками, причем владение акрополем было обусловлено какими-то правами, а не просто силой; в момент прибытия туда греческого войска между моссиниками происходила междоусобная война именно потому, что одно племя завладело метрополией не по праву, а путем насилия. Расположена была «столица» моссиников высоко в горах, повидимому, около перевала через горный хребет, преграждавший путь вдоль морского берега. Подъем к ней был длинен и труден. На пути находился еще один укрепленный пункт, который грекам пришлось предварительно взять, прежде чем атаковать «столицу». Ксенофонт не дает описания «столицы», но, судя по тому, что она сгорела во время сражения, надо полагать, что ее постройки и укрепления были, как и у дрилов, деревянные. Диодор (XIV, 30, 6) передает, что дома моссиников представляли собой семиэтажные башни. В самой верхней части «столицы» находился акрополь — *το ακροτατον*, где постоянно пребывал царь — *βασιλευς*.

Сравним теперь «хориа» дрилов и моссиников с тем, что нам известно о циклопических сооружениях Закавказья. Систематическое изучение этих памятников выразилось пока главным образом в разведках, регистрации памятников и их поверхностном исследовании, сборе подъемного материала и частичных незначительных раскопках в селищах и некрополях, связанных с циклопическими сооружениями². Циклопические сооружения встречаются в большом числе в южном Закавказье, в Армении, в Грузии и Азербайджане. Северной границей их распространения является река Ганджа. О количестве подобных сооружений можно судить по тому, что в преде-

¹ И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII, вып. 4—7.

² См. Б. Б. Петровский, Урарту, стр. 18 сл., и он же, Археологическое изучение древнейшего Закавказья, ВДИ, 1947, № 3, стр. 184 сл. Здесь же дается и литература по данному вопросу.

лах одного Азербайджана, по примерному подсчету Джафар-Заде, их насчитывается до 300 единиц¹. Между исследователями этих памятников еще не достигнуто пока полного согласия ни по вопросу о их датировке, ни по вопросам, связанным с их назначением. Все исследователи хронологически распределяют циклопические сооружения на многие века, относя наиболее поздние из них к эпохе феодализма. Относительно верхней их хронологической границы были попытки отодвинуть ее до неолита (Г. Тораманиян) и до медно-бронзового века (Куфтин)². Однако Б. Б. Пиотровский (ук. соч., стр. 19), а также ряд других ученых³ на основании археологических разведок утверждают, что наиболее древние из этих поселений относятся к «эпохе бронзы», т. е. к концу II и началу I тысячелетия до н. э. Относительно назначения циклопических сооружений существует разногласие между исследователем Азербайджана (Джафар-Заде) и теми учеными, которые изучали циклопические сооружения Армении. Последние видят в них крепости или по крайней мере сооружения, связанные с обороной, в то время как Джафар-Заде, исследовав 59 циклопических сооружений Азербайджана, пришел к выводу об их культовом характере и назначении⁴. Не имея возможности выработать собственную точку зрения на правильность или неправильность выводов Джафар-Заде относительно азербайджанских памятников, мы, однако, полагаем, что относительно циклопических сооружений Армении не может быть сомнений в их оборонном характере; это подтверждается не только тем, что для их построения выбирались «холмы, господствующие над местностью, с крутыми, труднодоступными склонами»⁵, но также и другими данными и, в частности, урартскими надписями, найденными у озера Севан (частично *in situ*, т. е. в самих сооружениях — Нор-Баязетская надпись) и повествующими о захвате многочисленных местных городов и о постройке в них цитаделей⁶.

Исходя из понимания циклопических сооружений Армении как сооружений оборонного характера, Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзельян дают следующую рабочую схему для их классификации, оговариваясь, что они не считают ее окончательной, и полагая, что последующие исследования и раскопки несомненно внесут в нее существенные коррективы. Пиотровский и Гюзельян различают четыре вида поселений-крепостей, из которых нас особенно интересуют два первые. Поселения первого вида, отнесенные указанными авторами к доурартскому и урартскому времени, увязываются с могильниками «бронзового века». Само укрепление, небольшое по площади, помещается на вершине труднодоступного холма. Поселение, не обнесенное стеной, располагается в ложбине, вокруг холма, занимая и его склоны (Хаджи-Халил, Хором I, Согютлу). Второй вид поселений-крепостей, часть которых связана с клинообразными надписями (Колагран, Нор-Баязет, Атам-хан), датируется урартским временем.

¹ М. Джафар-Заде, Циклопические сооружения Азербайджана, ТАЗФАН, 55 (1938), стр. 17.

² В. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, 1, 1941, стр. 108 сл.

³ А. А. Аджан, Л. Т. Гюзельян и Б. Б. Пиотровский, Циклопические крепости Закавказья, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 1—2, стр. 61—64; Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзельян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 51—59; И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, ГАИМК, XIII, вып. 4—7 (1932); Джафар-Заде, ук. соч., стр. 12 и статья в ИАЗФАН, III (1938), стр. 37 и IV (1939), стр. 67.

⁴ Джафар-Заде, ТАЗФАН, 55 (1938), стр. 52, основывается на следующих наблюдениях: 1) расположение сооружений в легкодоступных местностях, 2) ограниченность их внутренней площади, 3) небольшая высота стен (до 3 м) и 4) отсутствие родников или водохранилищ.

⁵ Как говорят исследователи склонов Арагаца, Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзельян, ук. соч., стр. 59.

⁶ См. указанные выше работы И. И. Мещанинова, Б. Б. Пиотровского и Л. Т. Гюзельяна.

Поселения этой группы, сосуществующие, повидимому, с поздними поселениями первой группы, уже целиком обнесены стеной, причем в них всегда выделяется небольшой по площади участок (акрополь), огражденный мощной стеной, защищающей его не только с внешней стороны, но и со стороны прилегающего поселения.

Планы поселений первого и второго вида приведены в указанной работе И. И. Мещанинова (стр. 66, рис. 17). Третий вид поселений имеет характер настоящих городов. Стены их охватывают целую систему холмов, причем цитадель еще остается в пределах общей ограды. Дата этих поселений пока не установлена. Поселения четвертого вида — это феодальные замки, отделившиеся от поселений. Эта группа связана с христианскими памятниками и относится к раннему средневековью.

Конечно, при недостаточной еще изученности циклопических сооружений Закавказья и при фрагментарности тех сведений об укрепленных поселениях припонтийских племен, которые можно почерпнуть из «Анабасиса» Ксенофонта, нельзя провести детальное сравнение между этими двумя рядами памятников. Однако имеющихся в нашем распоряжении данных, как мне кажется, достаточно для того, чтобы утверждать, что в общем и целом это явление одного и того же порядка, одинаковой исторической значимости. Действительно, если только отрешиться от бросающегося в глаза, но в сущности внешнего отличительного признака — иного строительного материала (камень и дерево), что, конечно, обусловлено местными природными ресурсами, то между циклопическими сооружениями первого и второго вида, с одной стороны, и двумя видами ксенофонтовских «хориа» — с другой, обнаружится весьма далеко идущее сходство. В обоих случаях мы имеем перед собой укрепленные пункты, воздвигаемые на специально выбранных, труднодоступных от природы возвышенностях. Как мы видели, Ксенофонт знает два вида «хориа» — слабо укрепленные и сильно укрепленные. Слабо укрепленные «хориа» соответствуют первому виду циклопических сооружений Закавказья. Циклопические сооружения Армении второго вида находят себе близкую аналогию в «метрополиях» — столицах Ксенофонта. И тут и там все поселения обнесены оборонительной стеной, причем внутри поселения выделяется акрополь или цитадель — участок, особо укрепленный не только с внешней стороны, но и со стороны поселения. Аналогия между первыми двумя группами циклопических сооружений Армении и «хориа» припонтийских племен распространяется и на известную координацию, которая существовала между слабо и сильно укрепленными поселениями и циклопическими сооружениями первой и второй группы. Из «Анабасиса» вытекает, что у припонтийских племен во время Ксенофонта слабо и сильно укрепленные «хориа» существовали одновременно, причем они в какой-то мере были объединены в одно целое, поскольку «столица» была своего рода центром, вокруг которого группировались слабо укрепленные поселения. Авторы предварительной классификации циклопических сооружений Армении ставят первую и вторую группу сооружений в известную хронологическую последовательность, датируя первую группу доурартским временем, а вторую — урартской эпохой, допуская, однако, возможность сосуществования поздних представителей первой группы с поселениями второй группы. Последнее обстоятельство, т. е. сосуществование двух типов поселений в урартскую эпоху, несомненно, имело место в стране Уликухи, расположенной у Севанского озера. Согласно урартской надписи, повествующей о покорении этой страны, там находилось 22 города, из которых только один считался «царским» (ИГАИМК, XIII, вып. 4—7, стр. 85), — картина, ближайшим образом напоминающая то положение, которое Ксенофонт застал у припонтийских племен дрилов и моссиников.

Как ни скудны перечисленные выше сведения о припонтийских племенах, все же мы можем почерпнуть из них некоторые данные относительно общественного строя этих племен. Во-первых, факт появления укрепленных поселений свидетельствует, надо полагать, о накоплении богатства (главным образом скота), которое нужно было охранять во время войны. Относительно вождей дрилов «Анабасис» не содержит никаких сведений. Конечно, у различных племен власть вождей могла носить различный характер. Если правильны мои приводимые ниже соображения относительно басилевсов моссиников, то у этого племени власть вождей была, видимо, тесно связана с какими-то

религиозными представлениями и функциями. Отдельные племенные объединения¹ были вполне самостоятельны в смысле своих внешних сношений. Это можно вывести, между прочим, из того, что часть колхов около Трансузанта была в дружбе и союзе с этим городом, тогда как другая часть враждовала с ним. Как мы видели, у моссиников отдельные племена враждовали друг с другом и дело доходило до военных столкновений. И все же эти самостоятельные племена в глазах других племен и народов представляли собой некое единство. Такие крупные припонтийские племенные союзы, как моссиники и тибарены и некоторые другие, вошли в состав учрежденных персидским царем Дарием сатрапий, причем каждая из этих сатрапий платила определенную дань; отсюда следует, что каждый союз воспринимался как конкретное единство.

Мы не знаем, в каком отношении находились рассмотренные нами укрепленные поселения к отдельным родам и племенам, входившим в состав этих крупных племенных союзов. Естественно предположить, что слабо укрепленные хориа принадлежали отдельным родам, а «столица» была своего рода центром для племени; но, конечно, здесь могли быть различные варианты.

Основой хозяйства припонтийских племен, как мы видели, было скотоводство. Земледелие, особенно у племен, обитавших в высокогорных областях, например у дрилов, могло играть только подсобную роль вследствие недостатка пахотной земли. Накопление богатств шло, следовательно, по линии увеличения стад, а это требовало обширных и удобных пастбищ. Надо полагать, что именно на этой экономической почве — борьбе за пастбища — и активизировалась вражда между племенами. Отсюда появление тех укрепленных убежищ и поселений, с которыми мы уже познакомились, отсюда же и вечная вражда между соседними племенами, отмечаемая Ксенофонтом на всем пути прохождения греческого войска от области кардухов до области тибаренов у Котниоры (современного Орду). Так, обширные участки земли, прилегавшие к пограничной между армянами и кардухами реке Кенритру (совр. Бохтан), были пустынно и не заселены ввиду того, что там происходили постоянные военные столкновения между кардухами и армянами (Anab., IV, 4, 1). О расприх между армянами, фазпанами и горными халибами, подчиненными в это время персидскому сатрапу Тирябазу, в «Анабасисе» ничего не говорится, но как только греческое войско вступает в область автономных племен, оно вновь становится свидетелем ожесточенной между ними вражды. Правитель (архонт) той области, в которой находился уже упоминавшийся нами город Гимниада, по всей вероятности, области скифинов, прислал эллинам проводника, который обещал им в течение пяти дней довести их до места, откуда они увидят море. Для этого им нужно было пройти через область, враждебную обитателям области Гимниады (были ли то одноплеменники или нет, об этом ничего в «Анабасисе» не говорится), и когда греческое войско вступило в эту область, то проводник стал подстрекать эллинов жечь и разрушать страну, «откуда, — как говорит Ксенофонт, — стало ясно, что он пошел ради этой цели, а не из расположения к эллинам» (IV, 7, 20). За областью этих безыменных врагов жителей Гимниады находилась область макронов, а за макронами жили колхи. Прямых указаний на враждебные между ними отношения в «Анабасисе» не встречается, но там повествуется о чрезвычайно интересном эпизоде, который косвенно на это намекает (IV, 8, 4). Когда греки подошли к реке, за которой начиналась область макронов, то макроны выстроились на своем берегу и стали бросать в греков камнями, ободрая друг друга возгласами. Один из пельтастов в греческом войске, бывший ранее рабом в Афинах, понял их речь, и это навело его самого на мысль о том, что он родом макрон,

¹ Племенные объединения были, конечно, различны по своей численности. В одном случае «Анабасис» дает нам возможность составить себе приблизительное представление о численности одного племенного объединения моссиников. Как уже говорилось выше, во время пребывания греческого войска у Черного моря у моссиников шла междоусобная война из-за обладания «столицей». Греки заключили союз с моссиниками, желавшими захватить «столицу», и те прислали к ним свое войско для совместных действий. Войско состояло из 600 бойцов, прибывших в 300 лодках, из которых каждая управлялась одним гребцом. Весь отряд состоял, следовательно, из 900 человек.

чего он, очевидно, до того времени не знал. Повидимому, он был еще мальчиком взят в плен при каком-то военном столкновении, скорее всего между макронами и колхами, и продан этими последними греческим колонистам, откуда он тем же порядком попал затем в Афины. Яркий пример межплеменной вражды дают, как мы видели, моссишки, среди которых шла война из-за главенства над всеми моссиниками и где, следовательно, налицо имелось не только покорение других племен (халибов), но и попытки узурпации привилегированного положения одним племенем среди других племен одного племенного союза.

Посмотрим теперь, в каких отношениях находились припонтийские племена к греческим колониям, расположенным в их областях. Картина, рисуемая в этом отношении «Анабасисом», довольно пестра. Далеко не все племена, соседние с греческими колониями, на рубеже V и IV вв. были втянуты с ними в обмен. Так, среди колхов, в стране которых расположены были Трапезунт и Керасунт, были племена мирные, состоявшие в союзе с Трапезунтом; добрыми отношениями с этими племенами трапезунты очень дорожили. Но были и племена немирные, на разорение деревень которых наемниками Кира трапезунты смотрели равнодушно. Рядом в горах жили дрилы, резко враждебно относившиеся к греческому городу и доставлявшие ему много хлопот, т. е., очевидно, беспокоившие его набегами. Мирно были настроены по отношению к грекам тибарены, в области которых находился город Котиоры. В обширной области моссишников и соседней с ней области подвластных моссиникам халибов не было греческих городов, тем не менее между Трапезунтом и моссиниками существовали сношения, отдельные граждане Трапезунта состояли проксенами моссишников и хорошо знали их страну. Об этом племени Ксенофонт сообщает довольно много сведений, в которых необходимо разобраться для получения более точного представления об уровне общественного развития в это время, что, в свою очередь, поможет нам лучше понять, какие торговые интересы влекли сюда трапезунтцев.

Область моссишников находилась у моря, между городами Керасунт и Котиоры. Область была гористой и довольно густо населенной. Ксенофонт обратил особое внимание на зерновое хозяйство моссишников. При грабеже поселений греки увидели запасы хлеба, «по завету отцов, заготовленные из урожая прошлого года. Новый же хлеб лежал в стебле, и то была по большей части полба» (V, 4, 27). Тем не менее едва ли можно думать, что земледелие было здесь ведущей отраслью сельского хозяйства. Таковой, надо думать, как и у других припонтийских племен, было скотоводство, хотя Ксенофонт нигде не упоминает о стадах моссишников, что, однако, не должно нас удивлять, если мы вспомним применяемый им в его мемуарах метод отмечать только то, что кажется ему «достойным внимания», т. е. необычным и своеобразным. О том, что земледелие едва ли могло принять здесь широкие размеры, свидетельствует горная местность, где не могло быть обилия пахотной земли. Кроме того, тот же Ксенофонт отмечает у моссишников широкое применение в пищу каштанов. Он видел каштаны, рассыпанные на крышах домов, очевидно, для просушки. Моссишники, по его словам, отваривают их и выпекают из них хлеб (V, 4, 29). Каштаны, следовательно, служили своего рода заменителем местных злаков, из чего можно заключить о недостатке последних. Знакомо было местное население и с виноградарством. Греки пробовали их вино, которое в чистом виде показалось им кислым и горьким, но, разбавленное водой, имело приятный запах и вкус (V, 4, 29)¹. Живя у моря, моссишники пользовались и его продуктами. У них имелись долбленные лодки, способные вместить до трех человек (V, 4, 14); в них они охотились на дельфинов, и, вероятно, ловили рыбу. Греки видели в их домах запасы солоницы из мяса дельфинов, хранимые в амфорах, и запасы дельфиньей ворвани. Она употреблялась моссиниками так же, как оливковое масло греками.

В «Анабасисе» есть сведения и о знакомстве моссишников с целым рядом ремесел. Мы уже упоминали об их деревянных лодках. Укрепления и дома их были также

¹ Ксенофонт, правда, нигде не говорит, что то было виноградное вино, но, поскольку в тех случаях, когда ему приходилось пробовать местное вино, приготовленное из других продуктов, он это особо отмечает (IV, 5, 26), вино моссишников скорее всего было виноградное.

деревянными (XIV, 30, 6) и по словам Диодора имели форму башен¹. О наличии у моссиников керамического производства можно судить по упоминаниям об амфорах и других сосудах, в которых хранились их пищевые запасы. Умели они также выделять какую-то очень плотную ткань. Из нее шили рубашки, которые напоминали холщевые мешки (Anab., V, 4, 12 сл.). Из кожи изготавливались, повидимому, их шлемы, похожие, как и у дрилов, на пафлагонские, т. е. сплетенные из ремней. Косматой воловьей кожей были покрыты их щиты. Их наступательное оружие—секиры, дротики и длинные копья — было сделано из железа.

Та ступень общественного развития, которую можно установить у моссиников на основании анализа данных об их поселениях, а именно ступень расчленения родового общества с имущественным неравенством и выделением правящей верхушки, находит свое подтверждение и в отдельных замечаниях Ксенофонта о нравах и обычаях моссиников. Среди моссиников греки видели «сыновей богатых родителей», которые отличались от соплеменников своим видом (V, 4, 32). В результате питания вареными каштанами они были очень толсты (почти одинаковы в высоту и толщину), белы и изнежены. Спины их были размалеваны, а грудь сплошь покрыта татуированными цветами. Татуировка была очень распространена среди племен, находившихся на ступени разложения первобытно-общинных отношений. Так, в 1948 г. экспедицией ЛОИИМК в одном из Пазырыкских курганов V—IV вв. до н. э. было обнаружено тело местного вождя, грудь, спина, руки и голени которого были покрыты татуированными изображениями реальных и фантастических животных². Основываясь на свидетельствах древних писателей о сходных явлениях у различных племен, С. И. Руденко приходит к заключению, что татуировка алтайского вождя «вероятнее всего, отмечала его знатное происхождение или его мужество, или то и другое вместе». Из рассказа Ксенофонта вытекает, что у племени моссиников татуировка была отличительным признаком представителей верхушки общества, так как греки заметили ее только на телах «сыновей богатых родителей».

Очень интересны также сведения о «царях» — баслевсах моссиников (Anab., V, 4, 26). Согласно Ксенофонту, царь жил в столице в деревянной башне на акрополе. Моссиники охраняли его и кормили на общественный счет. В другом укрепленном поселении жил, тоже в башне, другой царь, но, поскольку это укрепленное поселение не было «столицей», второй царь, надо думать, был царем меньшего значения, чем первый. Диодор (XIV, 30, 7) прибавляет к рассказу Ксенофонта, что царь, живший в «столице», по обычаю отцов, пребывал в течение всей своей жизни в деревянной семиэтажной башне, отсюда исходили его приказания народу. Рассказ Ксенофонта о царях моссиников (и вообще все сообщаемое им о нравах и обычаях этого племени) надолго вошел в античную литературу и повторялся с прибавлением все новых и новых подробностей многими, в том числе и поздними, авторами. Очевидно, он сильно порастил воображение греков. Между тем «цари» моссиников имеют близкие аналогии среди царей-жрецов или царей-богов других племен. Как показывает обширный этнографический материал, собранный Фрэзером³, в основе здесь лежит представление о сверхъестественных свойствах «царей» и их способности влиять на явления природы, а тем самым и на зависящее от природы благополучие людей. Поэтому цари-жрецы окружаются особой заботой и почитанием своих подданных. Поэтому их жизнь регламентируется иногда до мелочей (часто они, например, подвергаются длительному или постоянному затворничеству), причем предполагается, что нарушение этих правил влечет за собой гибельные последствия для всего племени и в таких случаях царь подвергается наказанию, а иногда и казни. Баслевсы моссиников, как вытекает из «Анабасиса», принадлежали к той же категории царей-жрецов или царей-

¹ Di od., XIV, 30; ср. S t r a b o, XII, 3, 18, откуда мы узнаем, что слово *μοσσηνικὴ* означало у моссиников «башня».

² С. И. Руденко, Древнейшая «скифская» татуировка. СЭ, 1949, № 3, стр. 133—143.

³ Д. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. II, 1928, стр. 11—18 и 43.

богов. Проводя всю свою жизнь затворниками в башне, они фактически не могли выполнять многие функции вождей, например, предводительствовать на войне или вести переговоры с врагами или союзниками. И действительно, согласно Ксенофонт, при заключении союза с одним из племен моссиников греки имели дело не с басилевсом, а с «архонтом» этого племени (Анаб., V, 4, 3). А когда греки атакуют сперва одно укрепленное поселение моссиников, в котором жил царь, а затем и самую «столицу» с акрополем — местопребывание главного царя, то оба царя не выходят навстречу нападающим во главе своих войск, оказавших эллинам упорное сопротивление, но продолжают сидеть в своих башнях и сгорают вместе с ними, не нарушив, таким образом, наложенного на них запрета. К сожалению, Диодор не уточняет, какие именно приказания давал царь из башни своим подданным. Может быть, он творил, таким образом, суд или в силу своих «сверхъестественных» свойств давал какие-то общие указания. Интересно отметить, что римский писатель Помпоний Мела прибавляет к рассказам о царях моссиников еще ту подробность, будто в случае отдачи ими неправедных приказов их наказывали лишением пищи. Во всяком случае, наряду с «царями-жрецами» у моссиников были и другие вожди, на которых лежало, между прочим, и фактическое предводительство в битвах. Племенная организация моссиников, видимо, была достаточно крепкой, так как, несмотря на внутренние распри, они держали в подчинении другие племена, например, халибов.

Для полноты характеристики моссиников необходимо еще указать на отмеченные Ксенофонтом черты в их нравах и обычаях, которые заставили греков называть это племя самым варварским из всех народов, через земли которых они проходили (V, 4, 34). В этих чертах мы должны видеть пережитки глубокой древности, давно пройденных этапов развития родового общества. Так, после описанного в «Анабасисе» военного столкновения двух враждебных племен моссиников победители отрубили головы убитых врагов и, уходя с поля битвы, показывали эти трофеи эллинам и побежденным моссиникам, сопровождая свои действия пляской под звуки песен (V, 4, 17).

Несмотря на то, что страна моссиников непосредственно не соприкасалась с греческими колониями и что моссиники жили в гористой, трудно доступной местности и были воинственны, а обычаи их совсем не были сходны с эллинскими, это племя все же не было, подобно дрилам, резко враждебным по отношению к греческим городам и, наоборот, вступало с ними в какие-то сношения, конечно, имевшие своей целью товарообмен. В «Анабасисе» нигде прямо не говорится о меновой торговле между греками и моссиниками, но косвенно на это указывает та роль, которую играл гражданин Трапезунта Тимеситий, сопровождавший наемников Кира в их походе из Трапезунта до страны моссиников. Когда войско прибыло к границе этой страны, стратеги послали Тимесития, который был проксеном моссиников, к вождям этого племени с вопросом, пропустят ли они эллинов через свою область. Тимеситий вернулся с отказом, и ввиду затруднительного положения, в котором очутились эллины, он, как человек, хорошо знакомый со страной, ее обычаями и происходящими в ней в данный момент распрями, стал давать эллинам советы относительно их дальнейших действий. Он также лично принял участие в переговорах эллинов с вождями другого племени моссиников, с которыми греки, по его совету, заключили союз, причем он служил переводчиком, из чего следует, что он владел языком моссиников. Таким образом, в лице Тимесития Ксенофонт попутно показал нам местного грека, гражданина Трапезунта, который был своим человеком среди племени, жившего довольно далеко от его родины. Вряд ли можно сомневаться в том, что такие отношения могли возникнуть только на базе товарообмена и что, следовательно, моссиники во времена Ксенофонта принадлежали к тем местным племенам, которые были втянуты в товарообмен с греческими колониями. Ни у Ксенофонта, ни у других античных авторов нет прямых указаний на то, какие продукты получали греческие купцы от моссиников. Однако по некоторым косвенным данным можно предположить, что главной притягательной силой для греческих торговцев в стране моссиников были рабы и железо. О том, что города Южного, так же как и Северного, Причерноморья доставляли рабов на греческие невольничьи рынки свидетельствует не только вышеприведенный эпизод с солдатом

греческого войска, бывшим рабом в Афинах, но также и некоторые эпиграфические данные из Греции, из которых явствует, что во второй половине VI и в V вв. до н. э. в Афинах были рабы-колхи¹. Главным источником рабства и здесь, как и в других местах, были, конечно, войны, которые вели между собой местные племена, а поскольку Ксенофонт рисует нам военные столкновения мессиников между собой, можно полагать, что у них не было недостатка в пленных, обрабатываемых в рабство и продаваемых грекам. Особого внимания заслуживает косвенное указание Ксенофонта на существовавшую у мессиников возможность доставлять грекам железо. Общеизвестно, что в греческой литературной традиции начиная с Гомера (II, II, 856 сл.) упорно держится представление о юго-восточном побережье Черного моря как о стране, богатой металлом. По большей части, но не исключительно, греки имели при этом в виду халибов. Гомер говорит о стране халибов как о родине серебра. Позднее же имя этого племени связывалось главным образом с железом. Особенно показательным лингвистическим подтверждением литературной традиции является, как это давно установлено в науке, существующий в греческом языке термин для обозначения стали или высококачественного железа — *халоф*, явно произведенный от племенного названия халибов. В античных литературных источниках вывозимый из Понта металл именуется также иногда синопским, амисским или происходящим от мессиников. Это указание, по всей вероятности, надо понимать в том смысле, что из этих портов вывозилось железо, поступавшее туда с разных пунктов побережья и, вероятно, через посредство колоний Синопы, Трапезунта, Керасунта и Котиоры. Относительно других богатых рудой областей южного побережья Черного моря, откуда металл мог поступать к грекам, Ксенофонт ничего не говорит. Зато у него встречается краткое, но чрезвычайно важное своей конкретностью известие о стране халибов. Пройдя страну мессиников, эллины прибыли к халибам. «Они, — говорит Ксенофонт, — немногочисленны и подвластны мессиникам, и большая их часть живет, обрабатывая железо» (V, 5, 1).

Оглядываясь назад на пройденный нами вместе с Ксенофонтом длинный путь по южному побережью Черного моря, мы, мне кажется, можем сказать, что рисуемая автором «Анабасиса» картина, несмотря на ее отрывочность и неполноту, все же дает нам возможность составить себе примерное представление об уровне социально-экономического развития, на котором находились припонтийские племена на грани V—IV вв. Конкретизацию и детализацию этого наброска можно ожидать в будущем от археологических работ, которые, надо надеяться, когда-нибудь будут предприняты в этих местах. Но и в настоящее время рассказ Ксенофонта бросает свет на условия, в которых жили и развивались греческие колонии этих мест в эпоху, предшествующую эллинизму, и на их взаимоотношения с местным населением. Те знания, которые мы получаем благодаря изучению «Анабасиса», раскрывают эти сложные взаимоотношения, только, так сказать, в одном разрезе, на одном этапе их развития. Поступательный ход исторического процесса в тех формах, в каких он протекал в данных конкретных условиях, не может быть прослежен на основании одного «Анабасиса» Ксенофонта. Эта задача, для постановки которой «Анабасис» пока является, так сказать, отправным пунктом, может быть решена только с привлечением свидетельств более поздних авторов, прежде всего, двух писателей уже римской эпохи, столь же хорошо знакомых с припонтийскими областями, как Ксенофонт, — а именно Страбона и Арриана. Освещение этих вопросов будет одной из главных задач моих дальнейших работ.

М. И. Максимова

¹ См. Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 290, № 70, и стр. 305, № 99. В той же статье приводятся надписи II в. до н. э., содержащие в себе дельфийские манускрипты. Здесь упоминаются четыре раба-армянина (№ 83, 84, 86 и 87), одна рабыня-армянка (№ 85) и одна рабыня-колхидянка (№ 90). Вольноотпущенница или дочь вольноотпущенника — колхидянка погребена была в Афинах (№ 110). К сожалению, Б. Н. Граков включил в свой ценный труд только надписи, касающиеся Северного Причерноморья и Кавказа, оставляя без внимания прочие области Причерноморья.